6. Чеджемты Г.З. Тæнæгбазыр, авдхуызон: Аргъæуттæ (Семицветная бабочка: Сказки). – Орджоникидзе: Ир, 1972.
7. Сладков Н. О. О чем пишут «природники»? – В сб.: О литературе для детей. – Л.: Детская литература, 1983, вып.26. С. 57–61.
8. Дзасохты М. Бехъаны мугæ: Радзырдтæ æмæ аргъæуттæ (Дзасохов М. Беканская мушмула: Рассказы и сказки на осет.яз.). – Орджоникидзе: Ир, 1978.
9. Хъуппеты М. Æнæ гæрахæй – дыууæ сырды (Купеев М. Без выстрела – двух зверей). – Орджоникидзе, 1971.
10. Гурдзибеты Б. Сæгуытты балц (Гурдзибеев Б. Поход оленей). Владикавказ: Олимп, 2008.
11. Айларов И. С дедушкой в горах. – Орджоникидзе: Ир, 1974.
12. Гаглойты В. Цæуыл куыдта хæххон суадон: Радзырдты цикл (Гаглоев В. О чем плакал горны родник: Цикл рассказов.) // Фидиуæг. – 1960. – № 9. – Ф. 10-21; № 11. – Ф.18-30.
13. Аникин В.П. Сказки В. Бианки и фольклор. // Русский фольклор: Материалы и исследования. III кн., – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 243-259.
14. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 373 с.

Егорова И.Д.
«Сатира на нравы» В.Ф. Раевского

*Смоленский государственный университет
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-03

idsp: 000001:spc-26-10-2017-03

Владимир Федосеевич Раевский был не только первым декабристом, но и поэтом-декабристом. В этом качестве он известен мало, так как из созданных им произведений было опубликовано всего несколько стихотворений. Судьба литературного наследия Раевского связана с его судьбою как политического деятеля. Раевский, прежде всего, политический лирик, его поэзия отличается революционным характером, решительным утверждением гражданского долга как основного содержания жизни и творчества.

По словам самого Раевского, его жизнь состояла из трех переходов (периодов): военная жизнь (1812—1822), тюремная жизнь (1822—1827) и ссыльная жизнь (1828—1872). Как отмечает П.С. Бейсов, Раевский шел в своей творческой деятельности первого периода (до крепости) к реализму, считая, что «человек среди своих великих дум / Зреть должен истину – прелестну наготовю» («Там далее: провинциал Минос...») [2, с. 68]

В «Сатире на нравы» этот художественный принцип проявляется с большой силой. Раевский, давая в тетради «Поэзия» общую характеристику различных жанров, о сатире пишет следующее: «...сатиры – чтобы исправлять нас, увеселяя и охуляя пороки и странности...» [3, с. 246]. Смех всегда является мощным средством социального воздействия.

В начале «Сатир на нравы» поэт говорит о «любви к отечеству достойных сограждан», вспоминает победу над Наполеоном, когда «властитель и тиран / Несметных орд к нам внес убийства и пожары...» и доблестный росс, «лавром покровенный, / Секване начертал постыдный приговор». Для раскрытия этой темы используется книжная лексика с высокой, торжественной окраской: росс, дивный, доблесть, очи, властитель, отечество, чтить, провидение, сограждане и другие. Свой патриотизм Раевский подчеркивает повторением словосочетания любовь к отечеству / отчизне: «благородства чувством любви к отечеству достойных сограждан», «наш певец, / Любовью чистою к отчизне возбужденный...». Торжественность стиля подчеркивается лексическими повторами подвиг («и подвиги ее в истории читает» – «подвиг славы»); слава – славный век; сограждане – гражданство; развернутыми метафорами: «Когда прошедшее из книги современной / Мечом росс вырубал и, лавром покровенный, / Секване начертал постыдный приговор...» [здесь и далее цит. по 6].

Описывая французскую армию, поэт прибегает к лексике с противоположной экспрессивной окраской: «тиран несметных орд к нам внес убийства и пожары», «трупы хищников рассеялись в полях», «постыдный приговор». Слово «бег» в «Сатире на нравы» Раевский использует в противоположных значениях: говоря о французах «неся в триумф побед победный бег и страх», он имеет в виду их отступление, бегство под напором русской армии, которому предшествовало победное продвижение Наполеона по Европе (победный бег – оксюморон). А когда поэт пишет о России «вселенной взор России беглый бег к величью измеряет...», употребив для акцентирования значения в словосочетании однокоренные слова, то речь идет о ее быстром возвеличивании (беглый – перен., совершаемый быстро, без затруднений [7]). В другой редакции [цит. по 5] эти строки звучат иначе: «сея в триумф побед постыдный бег и страх», и автор этим определением дает оценку поспешному отступлению французской армии.

Комически изображая тупое и самодовольное светское общество, которое равнодушно к судьбам родины, хотя его «столпы» «о марсовых делах с восторгом рассуждают», зевая за картами, В.Ф. Раевский сравнивает представителей этого общества с обезьянами – «свет орангутанг», «быть игрушкою шутов и обезьян...». Несколько раз повторяющееся слово «подражанье» раскрывает смысл этого образа, ведь обезьяна копирует чужие ужимки – «мартышка весь свой век не устает кривляться». Он с сарказмом говорит о «чуме иноплеменной», об увлечении иноплеменными модными «уставами», об их женах, чьи лбы украшены «иноплеменными рогами». Второй образ, который используется для характеристики светского общества, – шут, паяц: «...мы живем в том свете, / Где дым тщеславия рассудок закурил / И многих мудрецов в паяцы нарядил».

Обе аллегории объединяются ключевым смыслом «подделывать, копировать какой-нибудь образец», и Раевский определяет вред космополитизма в следующих словах: «Из всех гражданских зол – всего опасней, злей / Для духа нации есть чуждым подражанье».

В «Сатире на нравы» есть два ключевых образа: общество «шутов и обезьян» противопоставлено доблестным россам, ведомым чувством «любви к отечеству». Помимо данной оппозиции образов, контекстуальные антонимы используются в описании высшего света: мудрец – паяц («и многих мудрецов в паяцы нарядил»); бедный Ир (один из персонажей Одиссеи, попрошайка, вступивший в драку с Одиссеем, когда тот под видом нищего вернулся в родной дом) – Юпитер («И бедный Ир с клюкой / Под добрый час себя с Юпитером равняет...»).

Разоблачая нравы и «модные уставы» светского общества, поэт отмечает вместе с тем и рост гражданских чувств среди «достойных сограждан». Сатира завершается развернутой метафорой:

Гражданства искра в нас зажглась –
И просвещение спасительной рукою
Бальзам свой разольет в болезненных умах,
И с новою зарею
Исчезнет, может быть, еще неверный страх.

В эту строфу вводятся слова, в значении которых есть семантический компонент «свет»: любимый поэтом образ зари в этом произведении соединяется с просвещением и с «искрой гражданства». Обличение завершается верой в торжество идеалов – «и наше сбудется желанье».

«Сатира на нравы» представляет собой астрофический рифмованный стих с меняющейся схемой рифм. С содержательной точки зрения он состоит из трех частей: 1-я – изменение нравов в светском обществе после войны с Наполеоном, 2-я – изображение этого общества шутов и паяцев; 3-я – надежда на спасительную роль просвещения и возвращение истинной гражданственности. Синтаксис произведения

довольно сложный. Первая часть, например, – это смешанная конструкция с сочинительной и подчинительной связью в 23 строки, состоящая из 7 предикативных частей, осложненных большим количеством однородных и обособленных членов предложения и организованная следующим образом: 1-я часть, интерпозитивно включающая в себя четыре придаточных определительных, присоединенных союзом *когда* к существительному *век*, связана сочинительным соединительным союзом *и* с 6-й и 7-й и в смысловом отношении составляет вместе с ним блок, выступающий в качестве главного компонента по отношению к придаточным, что поддерживается коррелятом *тогда* в 1-й части:

С ритмико-мелодической точки зрения всё это огромное предложение (первая часть текста) организовано как период, где повышением является ряд придаточных частей с союзом *когда*, а понижением – блок главных частей. Расположение этих двух частей периода у В. Раевского тоже необычно: понижение начинает и заканчивает период (после большой паузы, обозначенной тире). В начальной части понижения и в повышении поэт использует смежную рифму по схеме *а а б б* (женскую – *а*; мужскую – *б*), а в заключительной части понижения рифма меняется на кольцевую (охватную) по схеме *а б б а* или *б а а б*. Далее во второй и третьей частях стихотворения кольцевая рифма сохраняется, лишь дважды меняясь на перекрестную (*а б а б*) к концу этих частей.

Кроме периода как экспрессивной стилистической фигуры, поэт использует риторическое обращение в начале первой и третьей части текста (*Мой друг! и друг мой!*); риторические восклицания в конце эмоционально окрашенных предложений и в середине предложений для выражения того или иного чувства (как при обращениях или вставной конструкции *Возможно ли! тогда, забыв свой подвиг...*); риторический вопрос (*...бесхвостый, без ушей, / Престанет ли осел кряхтеть и спотыкаться?*); перенос, акцентирующий последнее слово строки: *«Мартышка весь свой век не устаёт кривляться / Для подражания; ...»*.

В «Сатире на нравы», как и в некоторых других стихах, автор выносит короткие предикативные части сложных предложений или короткие синтагмы простых предложений в отдельную строку по центру стиха. Девять из десяти таких строк являются ключевыми выразителями содержания. И только в первой части текста такая короткая строка и тактовая пауза после нее подчеркивают синтаксические связи слов в предложении, что служит лучшему пониманию смысла высказывания:

Когда вселенной взор
России <быстрый> бег к величию измеряет...

Фонетические средства в этой сатире почти не используются. Можно отметить немногочисленные аллитерации (*побед победный бег*; другое подражанье; *постыдный приговор*; *стремится в состязанье*); анафорический ассонанс (*орел с одним орлом*), но смысловой нагрузки они не несут.

Особенностью стиля Раевского является лаконичность, «неукрашенность» [4], что проявляется и в «Сатире на нравы». Основными средствами выразительности в этом стихотворении выступают лексика и синтаксис. Из лексических средств это экспрессивная лексика, слова с книжной, высокой стилистической окраской, слова-образы, за которыми закрепляются определенные ассоциации и на базе которых строятся развернутые метафоры и антитезы. В качестве основного синтаксического средства используется длина предложения и расположение его в стихотворной строке. В одно предложение входит от 2-х до 23-х строк, что и обуславливает структуру предложения. В основном В. Раевский использует простые, но весьма осложненные предложения и сложные предложения разных типов. Впрочем, как отмечают А.В. Архипова и В.Г. Базанов: «Шероховатость стиля, сложные периоды, длинные, затрудненные обороты речи составляют особенность поэтического стиля Раевского, стремившегося к выражению своей индивидуальности, к поискам яркого, броского

слова, которое вызывало бы эмоциональный эффект, пробуждало общественное сознание» [1, с. 33].

1. Архипова А.В., Базанов В.Г. В.Ф. Раевский и декабристская поэзия // В.Ф. Раевский. Полное собрание стихотворений. Вст. статья. М.–Л.: Советский писатель, 1967. С. 5–50
2. Бейсов П.С. В.Ф. Раевский // История русской литературы: В 10 т. Т. VI. Литература 1820–1830-х годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 62–76.
3. Бейсов П.С. Новое о В.Ф. Раевском // Уч. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та. Пушкинский юбилейный сборник. Ульяновск, 1949. . С. 210–346.
4. Егорова И.Д. Особенности словоупотребления в стихотворениях В.Ф. Раевского. // Известия Смоленского государственного университета. № 3. 2013. С. 66–75
5. Раевский В.Ф. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. Москва, Ленинград: Советский писатель, 1967.
6. Раевский В.Ф. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1952.
7. Современный толковый словарь русского языка: В 3 томах / сост. Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ, Астрель, 2006.

Муртазина Е.О.

К вопросу о сложности учебных текстов: лингвистический аспект

*Казанский федеральный университет, Институт управления, экономики и финансов
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-04

ids: 000001:spc-26-10-2017-04

Текст, его категории, параметры, признаки, характеристики, конститuentы являются объектами пристального внимания как отечественных, так и зарубежных ученых-лингвистов на протяжении нескольких веков. Значительный вклад в исследование текста как лингвистического феномена внесли такие ученые, как И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, А.Э. Байбалова, Т.А. Ван Дейк, М.В. Вербицкая, И.Р. Гальперин, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, В.И. Карасик, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, П.М. МакКарти, Д.С. МакНамара, М.И. Солнышкина, И.А. Стернин и мн. др.

В современной лингвистике в меньшей степени языковому анализу подвергаются учебные тексты (А.Р. Арутюнов, А.Э. Байбалова, Н.В. Кулибина, И.Г. Проскурякова, А.А. Сабина, Л.М. Яхибаева и др.). На наш взгляд, данный факт обусловлен, в первую очередь, его спецификой. Например, А.Э. Бабаилова определяет учебный текст как «единицу обучения текстовой деятельности, учебной текстовой коммуникации. Это текст, организованный в дидактических целях в смысло-содержательном, языковом и композиционном отношениях в единую систему, часть совокупной информации учебника, предназначенной для управляемого становления текстовой деятельности, на основе которой дается система знаний по определенной дисциплине, прививаются умения и навыки людям определенной группы (возрастной, национальной и т.д.) на определенном этапе обучения». Вместе с этим, ученый выделяет два типа учебных текстов: (1) собственно учебные тексты – созданные для учебных целей; (2) несобственно учебные тексты – оригинальные неадаптированные тексты, используемые в академических целях[1].

Л. Рис трактует учебный текст как линейную последовательность языковых знаков, которая представляет собой целостное сообщение (монолог) или соответствует определенной ситуации (диалог), или является рядом языковых знаков (слов, словосочетаний, предложений) без общей коммуникативной функции и без связи с определенной ситуацией [7].

Говоря о сложной и полифункциональной природе учебного текста, нельзя не отметить его вторичность. М.В. Вербицкая детерминирует учебный текст как